
Проф. Джузеппе Астутто (Университет Катании)

У ИСТОКОВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАВЕЛИНА)*

Доклад профессора Дж. Астутто был посвящен историографической традиции К. Д. Кавелина.

Рассмотрев основные тенденции в трактовке первоначального формирования русской государственности российскими историками XIX века, докладчик отметил, что долгое время история государственности по большей части изучалась лишь с позиций истории права. В этом смысле, подчеркивает ученый, трудно переоценить тот вклад, который внесли в развитие исторической науки «историки-западники», представители Государственной школы К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин.

Докладчик указал на связь направленности их трудов с идеями Густава Эверса. В выступлении было показано, что, перерабатывая схему социальной жизни, предложенную Эверсом, К. Д. Кавелин заложил основы исследования русской истории в контексте европейской цивилизации — с использованием междисциплинарного подхода.

* По материалам доклада на I Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси».

Е. Л. Конявская

О ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СБОРНИКЕ ИЗ СОБРАНИЯ ФАДЕЕВА*

Рукопись РГБ из собрания Фадеева № 24 не была предметом сколь-нибудь серьезного изучения. Возможно, причина тому — достаточно позднее ее происхождение. Она датируется второй половиной XVIII в. (по водяным знакам: Клепиков № 151 — 1765 — 1776 г.). Рукопись в 4° (19,7 x 15,8) на 56 листах (I—IV без текста + 52). Переплет поздний, составной (доски, обтянутые кожей). Полуустав XVIII в. Рукопись акцентована. В заголовке вязь. Рукопись лицевая, содержит 45 миниатюр. На л. 2 заставка: соединение геометрического и растительного орнаментов, по правому полю — цветок. Инициалы с заставкой выполнены, очевидно, другим мастером, нежели миниатюры. Сохранилась буквенная пагинация на нижнем поле и две поздние цифровые. Более ранняя из них начинается с «46» и доходит до «92» («92» следует за «90», хотя лист не пропущен), заканчиваясь, таким образом, на середине рукописи.

Рукопись представляет интерес с точки зрения и текстового, и изобразительного материала. Недостаточному же вниманию к ней со стороны исследователей способствовал сам ее составитель, озаглавивший книгу **Житіє с(в)т(а)го Арсеніа епископа Тверскаго**. Под воздействием заглавия рукопись и в Указателе РГБ упоминается как «Лицевое Житие Арсения Тверского, особой редакции»¹. Тем не менее в рукописи читаются следующие тексты:

Л. 2—9 об. — рассказ о суде над тверским епископом Евфимием Висленем в Твери; 10—10 об. — челобитье митрополиту Киприану от Михаила Александровича Тверского о поставлении

* Автор выражает искреннюю благодарность И. В. Левочкину за помощь и консультации.

¹ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 3. М., 1996. С. 38.

РГБ. Фадеева № 24. Л. 32.

Из Остермановского II. (Приводится по: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 79)

Арсения епископом; 11 об. — о женитьбе Холмского князя Юрия Всеволодича (венчал епископ Арсений); 12–12 об. — о женитьбе сына Михаила Александровича Тверского **на Москвѣ оу Федора оу Кошки** (венчал Арсений); 13 — устроение Арсением Успенского монастыря на р. Тьмаке; 13 об. — 14 — два сообщения об одном и том же событии: создании соборной церкви архистратига Михаила в Новом Городке (первый раз говорится, что создана она Михаилом Александровичем и его сыном Иваном, второй — только Михаилом Александровичем и освящена Арсением); 14 об. — 16 об. — рассказ об обновлении и истории тверского Спасского собора; 17–28 об. — повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского (без начала); 29–30 — о Соборе в Москве (с участием епископа Арсения) по делу Иоанна Новгородского и Саввы Луцкого; 30 об. — 31 — о размирии Ивана Михайловича Тверского и Василия Кашинского (и посредничестве Арсения); 31 об. — о создании церкви св. Николы на Городце князем Иваном Михайловичем и освящении ее Арсением; 32–32 об. — о знамениях в солнце и луне, а также изготовлении колокола в Твери; 33 — о женитьбе сына Ивана Михайловича Ивана и венчании его Арсением; 33 об. — 34 — о небесном явлении и приглашении митрополитом Киприаном Арсения в Москву; 34 об. — о преставлении посадника Василия Ивановича и закладке Арсением церкви Успения на Тьмаке; 35–35 об. — об освящении церкви Успения Арсением; 36 — о росписи церкви архангела Михаила на Городке, лунном знамени; 36 об. — об окончании росписи церкви арх. Михаила и о том, что Арсений пристроил притвор в церкви Успения; 37–37 об. — о закладке колокольни и об отъезде князя Юрия Всеволодича в Орду; 38–38 об. — о возвращении из Орды князя Ивана Михайловича с татарским послом; 39–48 об. — повесть о преставлении Арсения Тверского.

Таким образом, составитель рукописи ввел читателей в заблуждение: текст рукописи — отнюдь не Житие Арсения, весьма, кстати, известное и распространенное в списках, а подборка летописных материалов, связанных с Арсением и — шире — Тверским княжеством его времени. Наличие же большого количества миниатюр делает естественным предположение о том, что, несмотря на то что здесь присутствует исключительно тверской летописный материал, этот манускрипт связан с Лицевым сводом Ивана Грозного. Действительно, рукопись содержит выписки из Лицевого свода — так называемого Остремановского II тома (далее — ОИ).

Текст совпадает с ОИ, за исключением некоторых орфографических разночтений и описок. Надо сказать, что этих разночтений очень немного, учитывая большой разрыв во времени возникновения этих рукописей. Очевидно, что создатели Фад. хотели максимально скопировать манускрипт.

Зато значительны различия другого порядка. Так, в Фад. только с середины и с сокращениями представлена Повесть о преставлении Михаила Александровича. При том, что нигде нет нарушения хронологии, в ряде случаев в пределах одного года сообщения идут в другом порядке. Так, в ОИ дублиеты сообщения о создании церкви арх. Михаила отстоят друг от друга на 20 листов и следуют в обратном порядке. Рассказ о Соборе в Москве в ОИ идет после рассказа о размирии князей (и между этими сообщениями — 3 пространные статьи). Рассказ о знамени и вызове Арсения в Москву в ОИ стоит до сообщения о создании церкви св. Николы. В ОИ сначала идет текст об отъезде Юрия Всеволодича в Орду, а затем — о пристройке притвора в церкви Успения. Сообщение о создании церкви св. Николы на Городце следует в ОИ за рассказом о знамени и приглашении Арсения Киприаном в Москву (причем непосредственно за ним). В Фад. же они идут в обратном порядке и разделены двумя другими рассказами.

Чем могут быть вызваны такие отличия, учитывая стремление к копированию? Отсутствие первой (и весьма значительной части) Повести о Михаиле Александровиче связано, по-видимому, с нарушением порядка листов в ОИ, которое сохранилось и до сегодняшнего дня. Одно из

нарушений их последовательности приходится как раз на середину текста Повести². Скорее всего, к этому времени том еще не был переплетен. Возможно, эти листы были не на месте — хотя бы так, как сейчас. Но, думается, в этом случае копиист все же предпринял бы попытку их найти или обнаружил бы их, выбирая другие тексты. Характерно, что в копию не попал ни один из листов этой группы (Л. 603—625 об.). Подобное может означать, что текст к тому моменту был отчасти разрознен и указанные листы не были доступны копиисту. С тем, что листы не приобрели в то время последовательности, которую мы видим сейчас, могли быть связаны и отмеченные различия в следовании сообщений Фад. Возможно, дополнительным подтверждением данного предположения является ситуация с еще одним смещением листов, следующим за л. 499. Если восстановить хронологию, за ним должен идти л. 528³. Этому стыку в Фад. соответствует сообщение об устройении Арсением Успенского монастыря (Л. 453 об.) и затем — двойное известие о создании церкви архистратига Михаила (Л. 602 и 581 об.). Тем не менее, переписчик здесь соблюдает хронологию. И даже соединяет два дублетных сообщения, находящихся на разных листах. Возможно, конечно, что он проделал большую работу и нашел текст, который по году должен следовать за предыдущим, но вероятность этого невелика, учитывая, что составитель подборки не смог восстановить даже текст единого рассказа (о преставлении Михаила Александровича).

В отношении принципа отбора материала очевидно, что избирались тексты, имеющие отношение к тверскому епископу Арсению, начиная с суда над его предшественником Евфимием и поставления Арсения на епископскую кафедру и заканчивая рассказом о его преставлении. Из имеющихся в Лицевом своде летописных сведений об Арсении в Фад. представлены все. В каких-то случаях этот принцип соблюдался совершенно формально, т. е. переписывается летописный текст с именем Арсения, при этом переписчик не замечает, что текст этот не может быть понят без предыдущего материала. Так, рассказ о размирии Ивана Михайловича Тверского и Василия Кашинского начинается сразу: **кн(а)зь Василен же Михайловичь Кашинъскѣ послалъ к нему Арсенїа в(а)д(ы)кѣ Тѣерскаго ѿца ихъ ссѣхъ⁴ прося сѣда ѡбцаго** (Л. 30 об.). Таким образом, читателю может быть непонятно, к кому же послан Арсеній. В ОП этой фразе предшествует текст о том, что Иван Михайлович отнял у Василия Михайловича озеро Лукое.

Однако есть сообщения, напрямую Арсения не касающиеся. Не считая повторного сообщения о строительстве церкви архистратига Михаила, где Арсеній не упомянут, и сообщений, не несущих информации об Арсении, но тесно связанных с другими сообщениями непосредственным соседством, это рассказы о ряде знаменій, создании колокола, закладке колокольни, росписи церкви архистратига Михаила, отъезде Юрия Всеволодича в Орду, возвращении из Орды Ивана Михайловича с татарским послом. Церковному характеру подборки здесь противоречат только рассказы о поездках в Орду. Они производят впечатление случайных, ибо в Лицевом своде очень много тверского материала, оставшегося за пределами внимания выборщика. Скорее всего, их присутствие объяснялось также близостью к другим, связанным с Арсением, статьям, но уже не на уровне следующих друг за другом на одной странице, а на уровне листа или разворота.

В отношении миниатюр стремление к точному копированию представляется также бесспорным. Но и здесь нельзя не отметить целого ряда отличий. Что касается их состава, то надо сказать, что не все миниатюры, относящиеся к приведенным сюжетам, присутствуют в Фад. В известной степени, это объясняется физическими возможностями: рукопись ОП в лист, Фад. — в четверку. При этом

² См.: Подобедова О. И. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. 9. С. 293, 330.

³ Там же.

⁴ Так в рукописи

размер букв в тексте примерно одинаков. Естественно, пытаясь расположить текст подобным же образом, поместить такое же количество миниатюр невозможно, — даже немного уменьшая масштаб.

Композиционные отличия носят непреднамеренный характер и связаны, очевидно, с тем, что изограф несколько ошибается в своих предварительных расчетах, и какие-то элементы композиции не помещаются или оказываются поданными немного не в том ракурсе. Много мелких различий в деталях: по-разному могут быть изображены крыши и купола на заднем плане, колонны, группы людей. Почему-то художник обнаружил крайнее нежелание изображать кусты. Куст в Фад. изображен только один раз из всех случаев, когда кусты есть на миниатюрах ОП, а их достаточно.

Но главное отличие — цвет. Цвета на миниатюрах двух рукописей не совпадают. Может даже сложиться впечатление, что миниатюрист сознательно избегал повторения. Это касается одеяний, бытовых предметов, зданий — всего того, что может иметь различную окраску.

Пытаясь найти хоть какие-то закономерности, можно заметить, что изограф избегает коричневатых тонов в одеждах главных фигур на первом плане, хотя активно пользуется ими для задних планов, земли, гор.

В отличие от ОП вполне закономерно представляются в Фад. одежды умирающих и лежащих в гробу Михаила Александровича и Арсения. В ближайшее время после смерти Михаил Александрович лежит в княжеских одеждах (вопреки тексту — не в монашеских!), затем они становятся белыми с зелеными рефlekсами, делая его бесплотно прозрачным. Арсений предстает в потусторонне-бесплотных одеждах в повести о его преставлении с самого начала.

С чем могло быть связано создание этой рукописи? Напрашивается единственное предположение, связанное с интересом к Арсению, проявленному в Твери новым ректором Тверской духовной семинарии архимандритом Макарием (Петровичем). Архимандрит Макарий, как известно, пишет новое Житие Арсения Тверского. Сложно, однако, соотнести время написания Жития со временем создания рукописи. Житие было написано архимандритом в 1764 г., а в 1766 г. он умер. Самая ранняя датировка Фад. по водяным знакам — 1765 г. С 1763 по 1765 г. Остермановские тома находились у М. В. Ломоносова⁵. Остается предположить, что работа была начата еще при жизни Макария (по его заказу или для него, чтобы преподнести в дар), может быть, уже после его смерти была завершена, но поскольку адресата не стало, долгое время рукопись оставалась переплетенной (что объясняет наличие более позднего переплета) и в Тверь, надо думать, не попала. О попытке включения ее в какой-то сборник свидетельствует вторая цифровая пагинация (начинающаяся с «46»). Как рукопись оказалась в коллекции И. М. Фадеева, какие-либо предположения высказать трудно.

Таким образом, анализ рукописи может дать определенный материал для истории формирования Остермановского II тома Лицевого свода и представлять интерес для искусствоведов, занимающихся историей книжной миниатюры.

⁵ См.: Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 33.

